КАРАЙ–ЦАРЕВИЧЪ
и
БУЛАТЪ–МОЛОДЕЦЪ,

БОГАТЫРСКАЯ СКАЗКА.

КАРАЙ–ЦАРЕВИЧЪ
и
БУЛАТЪ–МОЛОДЕЦЪ.

Славное славному, могучее могучему, удалое удалому.

Подъ нѣкоимъ царствомъ, бокъ о бокъ съ Макарійскимъ государствомъ, жилъ былъ Царь Ходоръ, по прозванію: Оловянное ухо. У Царя Ходора былъ одинъ только сынъ, Карай–Царевичъ, а у Карая–Царевича одно только помышленіе, одна думка: ѣхать за лѣса–моря далекія, за горы высокія, на людей посмотрѣть и себя показать и воротиться во своясы со Княжною Прекрасною, потягавшись да помѣрявшись съ чудищемъ–великанищемъ силами молодыми, копьями удалыми. И когда Карай–Царевичъ сталъ на возрастѣ, да побывалъ въ наукѣ богатырской, спознался, у стараго, да у бывалаго, со щитомъ, да съ мечемъ, тогда сталъ онъ

проситься у Царя–батюшки за море, повитяжествовать, глянуть за ворота царства своего и закалить булатную, разъяренну грудь въ холодкѣ чужомъ, подъ синимъ шатромъ.

«Поди,» сказалъ Царь Ходоръ–Оловянное ухо, недослышавъ куда Карай–Царевичъ просится, «поди, погуляй, да скорѣе опять приходи. Да безъ дядьки не ходить!»

Тогда Карай–Царевичъ пошелъ на конюшни царскія, и сталъ выбирать себѣ жеребца по рукѣ, по могутѣ своей: прошелъ уже по всѣмъ стойламъ, не выбралъ ни одного: что руку ни наложетъ ему на холку, либо на крестецъ, то жеребецъ палъ какъ палъ на колѣни — самъ заржетъ ярымъ голосомъ, да уже для Карая–Царевича и не годится. Пусть бы ржалъ, когда бы ляшками его пожалъ — а отъ руки палъ, такъ не рука Царевичу такой жеребецъ.

Тогда Карай–Царевичъ взялъ тугой лукъ Кабульскій съ золоченой прописью, взялъ калены стрѣлы тростниковыя, пернатыя, что перены были летками орлиными, да

пошелъ во чистое поле, не то кличъ кликать, не то горе мыкать.

И вышедъ во чистое поле, на вольную волю, видитъ онъ, летитъ лебедь бѣлъ, что не пилъ не ѣлъ, изъ за тридевять земель летѣлъ. Карай–Царевичъ вынулъ любимую стрѣлку свою, со булатнымъ клювомъ, и вытянулъ ее по самое копейцо, и пустилъ ее подъ лебедя того, приговаривая: «а и вышиби стрѣла, орлинымъ перомъ перена, лебедю бѣлому, ширококрылому, долгоперому, вышиби ему третіе маховое правильное перо изъ лѣваго крыла, да накажи ему, лебедю, чтобы горе–тоску разогналъ, коня по помышленію моему указалъ, не то пошлю я другую стрѣлу по душу ему, лебедю бѣлому!»

И лебедь бѣлый, путникъ смѣлый, человѣчьимъ гласомъ возговорилъ: «спасибо, Карай–Царевичъ, что ты меня не погубилъ, а помиловалъ; иди туда, гдѣ стрѣла твоя упала, тамъ найдешь, чего ищешь.»

Пошелъ Карай–Царевичъ за стрѣлой своей за пернатою — зашелъ истинно въ

тридевятое царство, гдѣ всякія и премудрыя доморощенныя чудеса словно у насъ въ парникахъ огурцы ростутъ и, примѣромъ сказать, скатной жемчугъ и цвѣтной янтарь уполовниками съ моря тихаго собираются, а бирюза и яхонтъ и каменья самоцвѣтныя лопатами нагребаются — а все еще стрѣлы своей не нашелъ. И проходя въ раздумьѣ и въ тоскѣ, помимо каменной горы, что жилы золотыя самородковыя словно пальцы изъ подъ слоевъ породистыхъ выказывались — слышитъ онъ, стонетъ человѣкъ въ горѣ, а его не видать. Обозвался Карай–Царевичъ съ невидимкою, допросилъ его — и узналъ, что сидитъ въ горѣ живой человѣкъ; а стрѣла Карая–Царевича, со булатнымъ клювомъ, пробила ту гору каменну, кремневую, да поранила невольника подземнаго. Карай–Царевичъ отворотилъ плиту не величку, и всего–то съ простѣнокъ продольный грановитой палаты — и увидалъ, коли кто видалъ, какъ вырѣзанъ на мѣди да напечатанъ въ извѣстномъ жизнеописаніи своемъ Французской Ванька–Каинъ, Картушъ, съ треугольною

шляпою на головѣ, за желѣзною рѣшеткою — увидѣлъ, говорю, Карай–Царевичъ такого же человѣка за желѣзною рѣшеткой, за малымъ оконцемъ. Тогда Карай выломалъ рѣшетку и вытащилъ оттолѣ плѣнника; а тотъ ему теперь отвѣтъ держалъ, рѣчь говорилъ, самъ поклоны въ поясъ клалъ:

«Я,» говорилъ онъ, «славный разбойникъ Булатъ–Молодецъ и засаженъ сюда въ склепъ подземный твоимъ отцемъ–батюшкой, который на меня прогнѣвался за то, что учинилъ я самовольное пошибашьице, да перебилъ у него съ охабку мѣщанъ, съ три короба купцовъ да честныхъ горожанъ. А за услугу твою, Карай–Царевичъ, вотъ тебѣ твоя любимая калена стрѣла, и ступай, куда скажу, найдешь ты себѣ коня по мысли, коня, на которомъ я разбойничалъ двенадцать лѣтъ.»

— Да нешто страны эти при царствѣ и подъ державою моего батюшки? — спросилъ Царевичъ, и дивился, что Царь Ходоръ–Оловянное ухо, родной отецъ его,

знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ о такихъ богатствахъ.

«Поди ты во чистое поле,» продолжалъ Булатъ, «тамъ по моей волѣ найдешь три дуба зеленые, стоятъ они середи травы, по той травѣ ведутъ три тропы: подъ дубами есть чугунная дверь, во дверяхъ мѣдное кольцо; подъ чугунною дверью сидитъ конь мой въ конюшнѣ каменной, за двенадцатью дверьми стоячими, за двенадцатью замками висячими — отбей замки и конь молодецкій твой.»

Учинивъ Карай–Царевичъ по сказанному, что по писанному — вывелъ изъ подъ двенадцати дверей стоячихъ, изъ подъ двенадцати замковъ висячихъ, изъ подъ трехъ дубовъ зеленыхъ, и повелъ травой, торной тропой, жеребца удалаго, который не присѣдалъ, не гнулся, подъ тяжелой рукой Царевича; а послышавъ сѣдока по себѣ, взыгралъ радостно и Царевичъ прозвалъ его: *Граемъ* (*). Какъ сѣлъ Царевичъ на коня своего Грая, конь Грай разсержается, отъ сырой земли

(*) По Цыгански конь называется Грай.

отдѣляется, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго подымается, долы и горы межъ ногъ пропускаетъ, мелкія рѣки хвостомъ устилаетъ, а по глубокимъ челномъ живымъ проплываетъ, черезъ болота широкія перепрыгиваетъ и ногами не подрыгиваетъ. «Стой!» закричалъ Булатъ–Молодецъ Царевичу Караю, «послужилъ ли я тебѣ?» Царевичъ осадилъ коня, услышавъ голосъ пріятельскій и увидѣлъ передъ собою Булата. «Хорошо отслужилъ,» отвѣчалъ Царевичъ; «я и впередъ твой слуга.» — Нѣтъ, — молвилъ Булатъ–Молодецъ, — кабы ты меня не выпустилъ, тамъ бы меня и черви поточили; и то уже, вишь, моль волоса поѣла, крысы каблуки обглодали; я твой слуга, Царевичъ, а не ты мой: за мною три службы; слушай: въ тѣ поры, когда я тебѣ нуженъ буду, когда тебя самого себя на какое дѣло не станетъ, то молви только: гдѣ–то мой Булатъ Молодецъ? и я передъ тобою. — Самъ же Булатъ крикнулъ, свиснулъ: «Сивка бурка, вѣщій коурка, стань передо мной, какъ я передъ тобой;» Сивка–бурка тутъ, словно

съ лука спрянулъ — Булатъ ему въ одно ухо влѣзъ, въ другое вылѣзъ, наѣлся, напился, молодцемъ перекинулся — съ Царевичемъ простился, самъ своимъ путемъ въ дорогу пустился.

Царевичъ теперь только спохватился дядьки, да припомнилъ наказъ государя своего–батюшки, Царя Ходора–Оловяннаго уха, безъ дядьки въ путь не пускаться. И такъ, прискакавши въ три годины со причасками на царскій дворъ, вызвалъ Царевичъ дядьку своего и съ нимъ вмѣстѣ пустился уже по своимъ стезямъ, по бывалымъ путямъ, да заѣхалъ снова въ даль далекую, въ темь глубокую, въ лѣса кедровые, подъ шишки сосновыя, подъ орѣхи кокосы, гдѣ люди наги и босы, гдѣ есть гады въ обхватъ толщины, да зміи, по сту саженъ длины; гдѣ человѣки въ плечѣ по глазу имѣютъ, чревомъ снѣдь ѣдятъ, а для ради единаго перевѣсу на ходу, главу посверхъ шеи на плечахъ богатырскихъ носятъ. Тамъ–то знойные жары путника сокрушаютъ, тамъ–то и Царевичъ нашъ съ дядькою теперь пропадаютъ.

Промежъ лѣсу высокаго, подъ гнилыми колодами, нашли они наконецъ, измаявшись такъ, что хоть бы Господь по душу послалъ, такъ отдать бы ее въ тужъ пору — нашли яму глубокую, копань темную. «Надо быть это колодезь,» сказалъ Царевичъ, «полѣзай туда, дядька, я спущу тебя на арканѣ, не наберешь ли воды?» — Нѣтъ, Карай–Царевичъ, — сказалъ дядька его, — я тебя по тяжелѣ и тебѣ меня, чай, не сдержать; давай я тебя опущу, такъ это дѣло, ты же меня и помоложе. — Царевичъ послушался, полѣзъ, привязавъ себѣ арканъ за поясъ, напился воды и зачерпнулъ въ шеломъ битый на долю дядьки своего — а тотъ себѣ рѣчь иную ведетъ. «Послушай,» молвилъ онъ Царевичу, «ты жилъ на свѣтѣ Царевичемъ, а я простымъ человѣкомъ, ясельничимъ, приворотникомъ, придверникомъ, комнатнымъ, постельничимъ — а уже тамъ попалъ къ тебѣ въ дядьки; дай помѣняемся саномъ и званіемъ, побудь–ка ты дядькой моимъ, а я Царевичемъ твоимъ; коли

миришься на этомъ, то ладно; а нѣтъ, такъ я тебя утоплю!»

— Не топи, — сказалъ Царевичъ, — что тебѣ пути будетъ въ томъ, коли изведешь меня? Самъ же сказывалъ и училъ меня какъ на томъ свѣтѣ Богъ наказываетъ грѣшниковъ; убійцамъ — помнится сказывалъ ты, кисти рубятъ, да деревянной пилой семь вѣковъ шею пилятъ — такъ сказывалъ ты, кажись, бываетъ во тмѣ кромѣшной?

«Пили же ты меня на томъ, а я тебя на этомъ свѣтѣ,» сказалъ дядька и сталъ топить Царевича. — Постой, — закричалъ ему этотъ, — постой дядя, побойся Бога; я твой слуга, ты мой господинъ; быть дѣлу такъ, аминь. — «Не вѣрю» сказалъ дядька; «поклянись, что дашь мнѣ своей руки письмо, чтобъ быть тому дѣлу такъ.»

— Дядя, — началъ опять Царевичъ, — да не ты ли меня училъ, что клятва подъ истязаніями не клятва, а что слово дѣло великое, а слово царское что стѣна стоитъ? коли вѣришь слову, такъ вѣрь; а нѣтъ, такъ не пеняй; что я съ тобою дѣлать стану;

заставляй писать и прописывать что хочешь.

Дядька подалъ Царевичу въ колодезь бересты, и сталъ говорить ему, пиши: «Клянусь и обѣщаюсь царскою кровію своею, быть рабомъ вѣчнымъ дядьки Митрюка, а его признавать Царевичемъ своимъ.» Такъ проговорилъ дядька; а Царевичъ писалъ по берестѣ, подалъ дядькѣ своему, приложивъ царскую тамгу свою, по нашему печать, либо подпись — дядька вытащилъ его и сталъ разувать и раздѣвать до нага и мѣняться одеждою, ратнымъ оружіемъ и сбруей.

Жаль растаться было Царевичу съ доспѣхами завѣтными — да дѣлать нечего. Отдалъ онъ дядькѣ шеломъ свой съ прилбицей златой, да со гремучимъ змѣемъ, который на серебряныхъ ногахъ изъ витой пружины хитро когтями за гребень шеломный держался и на ходу и на конѣ знай себѣ покачивался; отдалъ и бахтерецъ кольчатый, съ сѣткою изъ граненаго, бѣлаго желѣза; и чеканъ съ насѣчкою, и копье мурзамецкое, и тугой лукъ, съ

налушникомъ въ мережкахъ, и калены стрѣлы тростниковыя, орлиными перьями переныя, и съ колчаномъ кованымъ сребромъ и златомъ; а самъ надѣлъ холопій кафтанъ дядькинъ и поѣхалъ за нимъ слѣдомъ, что стремянный за охотникомъ.

Такимъ–то побытомъ ѣхали они ѣхали — кто говоритъ близко, кто далеко, кто низко, кто высоко — доѣхали до Пантуева государства, до первопрестольнаго града его, до стѣны высокія, до рѣки глубокія, до мостовъ подъемныхъ, до воротъ суконныхъ. Тутъ дядька Митрюкъ закричалъ зычнымъ голосомъ своимъ: «Гой ты, Царь Пантуй, ты колдуй не колдуй, отворяй ворота суконные, берись за ремни ременные, подымай мосты подъемные; ты думай да гадай, про гостей обѣдъ доспѣвай, за бѣлы руки ихъ принимай, сажай на кресла рѣзныя, кленовыя, за столы дубовые, за постланцы камчатные, ставь на столъ вина печатныя, да пирогъ подавай гора горой, скомороховъ сзывай, да пиръ затѣвай!»

Царь Пантуй, услышавъ о пріѣздѣ великаго и славнаго Царевича Карая, сына и наслѣдника сосѣда и пріятеля его Царя Ходора–Оловяннаго уха, накинулъ багряницу свою черезъ плечо, ухватилъ шапку горностая бѣлаго и побѣжалъ встрѣчать Карая–Царевича. Отворялъ онъ, Царь Пантуй, ворота суконныя, брался за ремни ременные, опускалъ мосты подъемные, гостя дорогова встрѣчалъ, за бѣлы–руки бралъ, по стогнамъ градскимъ провожалъ, вводилъ во палаты свои израсцовыя, на лѣстницы бѣлодубовыя, сажалъ на сѣдалища кленовыя, за столы крытые, готовые, за яства, питья медовыя, за постланцы камчатные, за вина фряжскія, печатныя — а скомороховъ заставилъ пѣть да плясать, дорогихъ гостей забавлять, потѣшать.

«Я пріѣхалъ» таково слово началъ Карай–Царевичъ, — а не забудьте что Карай–Царевичъ этотъ не Карай–Царевичъ, а просто дядька его Митрюкъ — «я пріѣхалъ,» молвилъ Лже–царевичъ, «къ твоей царской милости, сильный и могучій

Пантуй, сватать за себя,» а самъ, глянувъ на Царевича, который стоялъ въ дверяхъ косящатыхъ, словно комнатный, оторвалъ рѣчь свою, да перегнувшись, избоченившись, молвилъ Царю Пантую: «прикажи, Царь Пантуй, отдать слугу моего, Митрюка, на кухню, въ черновую работу, за то, что онъ дорогою мнѣ крѣпко досаждалъ!» Царевича отдали на руки судомойкамъ, да полотерамъ, а самозванецъ продолжалъ: «я пріѣхалъ къ твоей милости, сильный могучій Пантуй, сватать за себя дочь твою, Царевну Церію, про которую много наслышанъ я, хоть и не былъ еще осчастливленъ лицезрѣніемъ ея — не видалъ то есть ее, а знаю, говорю по наслышкѣ, всѣ дѣвичьи доблести ея; слухомъ земля полнится, а про Царевну Церію и въ нашихъ краяхъ, слышалъ я, поютъ:

Очи сокольи, брови собольи —
Грудь лебедина, походка павлина....»

— Съ моимъ удовольствіемъ и радостію, — держалъ отвѣтъ Царь Пантуй, — съ моимъ удовольствіемъ я отдаю за Карая–Царевича, любезнаго сосѣда и пріятеля моего, дочь мою единородную, Церію Царевну. Но только, любезный, нарѣченный зять мой, подъ царство мое, подъ градъ первопрестольный, подступаетъ войско нечестивое, подступаетъ Царь Калинъ; онъ меня осилитъ, градъ мой вызжетъ, вѣрноподданныхъ моихъ вырѣжетъ всѣхъ до единаго — это бы еще все ничего, да онъ и меня самого полонитъ, кровью моею царскою землю обагритъ; а что будетъ тогда съ нарѣченною невѣстою твоею, а моею любезною дщерію, съ Царевной Церіей, самъ ты, какъ храбрый витязь, которому воевать, чай, не разъ и не два со славою случалось, знаешь, и учить тебя нечего. И такъ, побей Царя Калина, тогда Церія будетъ твоею. — А тутъ — глядь гонцы уже и наскакали съ повѣсткою, что идетъ–де Царь Калинъ, ко граду

престольному Пантуйскаго царства подступаетъ, войско, словно шайтанъ его съ клубка мотаетъ, видимо не видимо раскаты облегаетъ.

«Хорошо,» молвилъ на это Лже–царевичъ, «хорошо, Царь Пантуй, это все сдѣлать можно, дай срокъ; утро вечера мудренѣе, а хмѣль воды попьянѣе. Мнѣ нѣтъ счастья воевать днемъ; а ночью я все это сдѣлаю.» Самъ–же, только что смерклось, вызвалъ изъ черной избы Царевича и сталъ его просить, ему кланяться: «Не попомни ты, Царевичъ, неучливства моего, недогадливости; бѣда, видишь самъ, приходитъ общественная; поди–ка, да разгони нечестивыхъ, я отдамъ тебѣ тогда и росписку твою!»

Царевичъ взялъ тугой лукъ, писаный китайскимъ золотомъ; взялъ стрѣлы легкія, переныя перьями орлиными, выѣхалъ за ворота суконныя, за мосты подъемные, за стѣны высокія, за канавы, за рвы глубокіе; тутъ сталъ онъ и крикнулъ: «Гой Булатъ–Молодецъ, гдѣ–то ты теперь?» — Здѣсь я! — обозвался Булатъ; — что нужды, что

службы, сказывай скорѣй! — Карай–Царевичъ указалъ ему на рать Хорасанскую, на Царя Калина. Булатъ–Молодецъ свиснулъ богатырскимъ посвистомъ, крикнулъ молодецкимъ покрикомъ: «Сивка–бурка, вѣщій коурка, стань передо мной, как листъ передъ травой!» И конь бѣжитъ, земля дрожитъ, дымъ столбомъ изъ ушей валитъ, изъ ноздрей полымя пышетъ, слѣдомъ только головешки летятъ, паромъ что тучею небо устилаетъ, копытами однѣ маковки цвѣточныя задѣваетъ — и сѣли на добрыхъ коней молодцы, и говоритъ Булатъ: «руби ты, Карай–Царевичъ, мечемъ–кладенцомъ рать вражескую съ праваго крыла, а я рубить стану съ лѣваго.» И пошли тесать богатыри наши одинъ съ праваго, другой съ лѣваго крыла, и съѣхались на самой середкѣ, гдѣ была ставка Калина Царя, и поздоровались. «Много ли ты побилъ?» спросилъ Булатъ–Молодецъ Царевича? — Да какъ заѣхалъ я, — отвѣчалъ тотъ, — съ праваго крыла, такъ отъ самыхъ сумерекъ до темной ночи билъ я ихъ все по головамъ,

все по темени, да по маковкѣ; тамъ, отъ темной ночи, до полуночи, когда крикъ подняли, да стали на меня оглядываться, перелобанивалъ я ихъ прямо въ лобъ; а потомъ, какъ уже зря на побѣгъ пошли, билъ я ихъ отъ самой полуночи по затылкамъ, да по широкимъ плечамъ; а теперь, самъ ты видишь, возница почитай на закатѣ, скоро свѣтъ будетъ. А ты, Булатъ, много ли побилъ? — «Да я,» отвѣчалъ этотъ, «ни много, ни мало, а всѣхъ выбилъ, съ лѣваго крыла начавши, до самой ставки Царя Калина, и, видишь, на самой середкѣ съ тобою съѣхался!»

Тѣмъ часомъ Царевна Церія, сидя со страхомъ и боязнію на вышкѣ терема своего, растворивъ многоцвѣтныя окна, видѣла и слышала все, что ни дѣялось ни творилось; видѣла и то, какъ Булатъ–Молодецъ, отслуживъ Царевичу нашему третію службу свою, простился съ нимъ, сгинулъ и пропалъ, пыхнувъ изъ ноздрей коня своего полымемъ, да разостлавшись утреннимъ туманомъ, сизымъ, дымчатымъ; какъ Царевичъ воротился на широкій

дворъ, да Царя Калина на сворѣ привелъ, что выжлока татарскаго, и отдалъ дядькѣ своему, самъ доспѣхи скинулъ съ себя ратные, надѣлъ кафтанъ сѣрмяжнаго сукна и пошелъ въ избу къ судомойкамъ; а Лже–царевичъ облекся въ доспѣхи Царевича, велѣлъ стражѣ приворотной трубить побѣду великую и повелъ ко Царю къ батюшкѣ, къ дорогому нарѣченному тестюшкѣ, Калина Царя, что на сворѣ выжлока татарскаго.

На утріе, когда Царь Пантуй сталъ праздновать пиръ великій, пиръ на весь міръ, когда Лже–царевича на рукахъ носилъ царскихъ, дарилъ милостями великими, подарочками большими, кольцами золотыми, перстнями дорогими, крестами серебряными, когда сталъ сажать за столъ единый мнимаго спасителя со Царевною Церіею и велѣлъ ей съ нимъ слюбитися да обручитися — тогда Царевна встала, подошла къ Царевичу Караю, котораго, ради празднества великаго, уже пожаловали было комнатнымъ и блюда со яствами сахарными подавать къ столу приказывали, — подошла къ нему и,

зардѣвшись подъ долгой фатой, взяла его за руки бѣлыя, сама говорила рѣчи смѣлыя: «Гой, батюшка ты родитель мой, отецъ дорогой, Царь Пантуй! и вы, вельможи царскіе, именитые, и вы, народъ вѣрноподданный! вотъ женихъ мой суженый, вотъ нарѣченный дорогой супругъ, вотъ и спаситель вамъ, и Царевичъ благочестивый; а вы, самозванцу нечистому поклонялися, меня за холопа крови холопей прочили! Я не спала всю ночь на пролетъ, сидѣла въ тайникѣ на вышкѣ терема своего, Богу за васъ, за Царя–батюшку молилася, и услышалъ меня Господь, велѣлъ видѣть мнѣ на яву, чего вы во снѣ не видывали, слышать ушами своими, чего вы отродясь не слыхивали!»

И когда Царевна повѣдала во всеуслышанье, что видѣла и слышала она, и стала изобличать Лже–царевича въ самозванствѣ его, тогда Царь Пантуй и совѣтъ его государственный приступили къ нему съ допросами: «Гой,» рекли они, «коли умѣлъ ты красть, воровать, умѣй и

отвѣтъ держать: кто изъ васъ царскій сынъ, кто холопій сынъ?»

Дядька Митрюкъ вытащилъ изъ за пазухи вѣтошку свернутую; моталъ, моталъ ее, развертывалъ и выложилъ письмо руки Царевича берестовое: «вотъ,» говоритъ, «билетъ, пашпортъ мой, въ немъ прописано кто я таковъ на свѣтѣ живу.»

И приняли отъ Лже–царевича грамоту скорописную, стали читать ее гласно: «Объявитель записи сея, плутъ, мошенникъ Гарасимъ Панфиловъ сынъ, Митрюкъ, дядька Царевича Карая, бьетъ челомъ низменно, по холопьи, испрашиваетъ себѣ казни достойной.»

«Какъ такъ?» закричалъ Митрюкъ. — Да такъ; иди, хоть самъ читай! — отвѣчали ему. — «Эхъ–ма,» молвилъ онъ, почесавъ затылокъ, «видно быть тому дѣлу такъ, коли такъ написано — я письмо уставное тямлю маленько, а ужъ на скоропись эту устарѣлъ, не разберу, не вижу!»

Царевича обвѣнчали, по царски честили, на рукахъ качали; дядьку Митрюка на воротахъ было растрѣляли, да уже

помиловалъ его самъ Царевичъ и отпустилъ его на свой хлѣбъ, на подножный кормъ: а слышно было, что произвели его, никакъ въ свинопасы. И жилъ онъ хорошо, смирно, да съ тѣмъ и состарѣлся — не знаю живъ ли нѣтъ ли нынѣ — да только *бересты* старикъ страхъ не любилъ, и кошеля берестоваго, въ которомъ пастухи хлѣбъ носятъ, не терпѣлъ, не надѣвалъ, и часто за мальчишками гонялся бывало, когда тѣ его изъ за угла зывали: *дядюшкой берестой!*

А Царевичъ пріѣхалъ въ царство свое, къ отцу–батюшкѣ Царю Ходору–Оловянному уху, и привезъ ему невѣстку, Церію Царевну. «А гдѣ долго былъ?» спросилъ Царь Ходоръ, «куда тебя нелегкая носила?» И когда Царевичъ расказалъ Царю все, что съ нимъ, съ Царевичемъ, дѣялось, что творилось, и какъ ѣздилъ онъ и просился на это у Царскаго Величества — тогда Царь Ходоръ молвилъ: «А мнѣ и не вдогадъ; я, признаться, не дослышалъ маленько, чаялъ ты недалечко куда у меня просился. Я старъ сынъ, Карай–Царевичъ, чай скоро Господь по душу пошлетъ,

садись–ка, на, за меня на престолъ царскій, суди да ряди, судъ и правду твори, меня хлѣбомъ корми, благовѣрную Царевну люби, вѣрноподанными своими потѣшайся, а о прочемъ, а пуще о прошедшемъ, не сокрушайся; не дослышалъ я, правда, что ты мнѣ говорилъ — ну, да уже гдѣ не бывалъ, что ни дѣялъ, ни творилъ — для радости нашей все забываемъ, и васъ со престоломъ нашимъ царскимъ поздравляемъ!